

РУССКИЕ ПАТРИОТЫ

РАССКАЗ О ПОДПОЛЬЩИКАХ-АНТИФАШИСТАХ

Шел июль, но, несмотря на это, ночь выдалась холодная. В низком небе мчались лохматые черные тучи, прыскали студеными струями дождя. Однако, вместо неготовности, от души радовался такой погоде одинокий ночной путник.

Минув речную балку, густо заросшую травой, человек вышел из лесных зарослей на поляну и остановился за стогом. Повремена некоторое время и не уловив ни одного звука ветра, он быстро замчал к деревне. Но не успел его нога вступить на проселок, как впереди раздался стук колес.

Человек спрятался в канаву и стал внимательно смотреть на дорогу. В тот момент буквально над его головой, осыпая землю, по краю канавы промчался конный развед. В это время проглянул месяц и скорчившийся человек успел заметить, что кавалькада состояла из семерки оседланных лошадей. Запомнил он и то, как блеснули стволы автоматов, как трепыхнулись белые куры, прихороненные к седлам.

Стрихнув с себя грязь, человек снова начал пробираться вперед, направляясь к нужной ему избе. Зайдя к ней со двора, он постучал в окно, прислушался. В ответ на зов распахнулась створка кухонного окна, показалась взлохмаченная голова и чей-то голос настороженно спросил:

— Кто тут?

— Орел, — тихо ответил пришедший.

— А-а! — обрадовался выглядывающий из избы колхозник, узнав по паролу своего человека. — С большой земли?

— Точно!

— Заходи-ка под крышу скорее. Поди продрог, проголодался?

— Некогда дружище. Ты проводи-ка меня, брат, к Немкову. Через некоторое время на улицу вышел пожилой мужчина. Кутаясь от ненастья в ветхий полушубок, он пытливо посмотрел в широкое, давно не бритое лицо ночного гостя и сказал:

— Поидемте!

Они пошли огородами. Вдыхая пряный запах раскустившегося укропа, Василий Еремеев, так звали человека в зипуне, заинтересовался.

— Как добрался до нас?

— Ничего, — весело ответил спутник. — Отощал маленько, но, как видишь, жив.

Где-то совсем рядом протрубил предрастветный кочет, ему ответил вдалеке второй.

— Два петуха на такую деревню остались, — проговорил идущий впереди Василий и, выростав из-под зипуна правую руку, занес ее над головой.

— Не быть земле Новгородской в ярме! — угрожающе выкатив белки глаз, произнес он.

— Подходящих людей мне ребята указали, — подумал лесной прищелец, смотря в широкую спину своего проводника. — Ишь, русская душа в нем негодует.

Вскоре они пришли в дом Немковых. Сам хозяин в это время сидел на сеновале. Василий разбудил его и коротенько доложил о встрече с человеком, пришедшим из русского тыла.

— Прилетел к нам Орел, о котором партизаны говорили, — го-

рячился Василий, шурша сеном. — Молодой совсем, но видать отчаянный.

Немков, обрадованный известием, побежал в избу.

— В подзбицу ступайте! — и зачастил он скороговоркой: — Схоронитесь нам подальше надо. Неровен час, опять изверги набегут, только что отлитокали. Бабу-то Анисью, почитай, до смерти засекли. Не давала она разбойникам телушки, так офицер как звезданет нагайкой. Глаз вытек у бабки.

Спустились в подполье. Загнали крохотный ночничок, присели на земляной пол. Приведенный Василием человек молча достал из-под подкладки своего мокрого пиджака помятый паспорт.

— Вот смотрите.

Немков взял документ, раскрыл его, прочитал вслух.

— Васькин, Павел Афанасьевич, русский.

— Как же, слышали! — засуетился Василий. — Партизанские начальники давно предупредили нас. Мол, явится к нам человек по фамилии Васькин, а по паролю Орел.

— Ну вот и явился, — светло улыбнулся Васькин, поигрывая блестящими от возбуждения глазами. — Патриотов сколачивать воедино станем, изнутри будем подрывать врага.

...Здесь, в деревне Должино, в подполье крестьянской избы, решено было создать конспиративную антифашистскую организацию. На Александра Немкова и Василия Еремеева возложили Васькин ответственнейшую задачу — вербовать в свой стан из числа советских патриотов надежных людей, для которых нет ничего на свете дороже матери-Родины — Советской России.

Подкрепившись ржаными лепешками, которые принес Немков, Васькин перед рассветом вышел на улицу. Озираясь по сторонам, он оглядел местность. Наконец-то он здесь, в легендарном партизанском краю, где бесстрашные, гордые русские люди борются с немецкими оккупантами. Заметив кудрявую березку, которая легким шелестом листьев словно приветствовала его, Васькин с великим волнением обнял ее гибкий ствол, прижался к нему горячий щекой, затем припал к земле, поцеловал ее и еще раз поклялся быть до конца дней своих верным сыном великой социалистической Родины.

И началась для Павла Васькина и его товарищей новая жизнь, полная до краев тревог и опасностей. Находясь в немецком тылу, подпольщики-антифашисты действовали неустанно. Их организация росла и для лучшего руководства ею по предложению Павла Васькина был создан комитет организации из семи человек. В него вошли: сам Павел Васькин, Александр Немков, учительница Надежда Козьмина, учитель Александр Иванов, сельский активист Василий Еремеев и другие.

С целью лучшей конспирации Васькин разбил свою организацию на несколько групп, которые работали в Должинской. Солецкой,

Дерглицкой, Городецкой и других волостях.

Подпольщики ходили по деревням, несли в русский народ, томившийся под немецким игом, огненное слово большевистской правды, агитировали население против гитлеровцев, распространяли советскую литературу, совершали диверсионные акты. Они же зорко следили за передвижением вражеских военных частей и подразделений.

К осени 1941 года в организации было состояло 40 человек. Задолго до этого Васькин установил связь с командиром второй партизанской бригады тов. Васильевым.

Все чаще и чаще взлетали под откос подорванные немецкие эшелоны. По ночам багровые зарева далеко освещали местность и довольные колхозники, заглядывая в окна, переговаривались между собой:

— Наши ребята орудуют!

— Ишь, должно быть, коммандура запалили!

— Смотри-ка, смотри, за Синим-то Перелеском как огнище выгорало, там ведь аэродром немецкий.

Но не только ночью трудились подпольщики. Ранним утром или поздним вечером проковыляет деревней нищий с сумой, или пройдет мужичонка с уздой на плече в поисках заблудшей лошади, а следом за ними, глядишь, белеют на заборах листовки, рассказывающие правду о советском тыле, о положении на фронтах.

Придет колхозница к колодезю за водой, заглянет в бадью, а там лежит свернутая трубкой советская газета. И пойдет та газета по рукам, по избам, по деревням.

Ободряемые связью с советским тылом, с родной Красной Армией, поддерживаемые партизанами, все выше и выше поднимали головы волотовские колхозники. Вскоре они уже в открытую стали проводить читки советской литературы, собирая в одно место сотни людей.

Один раз, несмотря на близость немцев, крестьянские парни и девушки, выйдя из избы, где проходила читка, запели революционную песню:

Вихри враждебные веют над нами,

Темные силы нас злобно гнетут.

В бой роковой мы вступили с врагами...

Взлетала песня над заснеженной деревней, и, слышав ее, из ворот и калиток высывал народ на улицу, густой толпой следовал за молодежью, вливал свои голоса в могучий песенный поток.

А вечером, когда потухал ясный зимний день и морозная стужа заволакивала дали, пробираясь лесными тропами, шли к партизанам десятки колхозников и колхозниц.

Но, наряду с людьми, боровшимися против немцев, нашлись осколки бывшего капиталистического мира, которые, нарядившись в личины советских людей, тайно следили за действиями патриотов.

Продавшись фашистской разведке и сговорившись между собой, они, как ночные тати, шастали под окнами изб, подкрадыва-

лись к каждому огоньку, жадно подслушивали все людские разговоры.

Помогая немцам в борьбе с Советским государством, с партизанами, они лелеяли мечту вернуть свое прежнее положение, чтобы снова держаться в кабале крестьян и наживаться на их крови и поте. Подлым изменникам Родины удалось выследить Васькина и его товарищей.

В январе 1942 года, по их доносу, немцы напали на след подпольной антифашистской организации. Большое число ее участников было зверски расстреляно. Так погибли Александр Немков, бывший сельский связист из деревни Должино, Александр Иванов — учитель деревни Большие Гривы, учительница Надежда Козьмина и другие. При расстреле гитлеровцы применяли пытки, с адской изощренностью они издевались над русскими людьми и смерть делали долгой и мучительной.

Когда гестаповцы начали истязать при допросах Александра Немкова, тот, окинув их гневным взором, проговорил:

— Эй, вы, сволочи! Можете делать со мной что угодно, но я вам все равно ничего не скажу.

И когда повели на расстрел Александра Немкова в тихий лесок, где покачивали, словно от удивления, макушками молодые заснеженные елочки, встал во весь рост Александр Немков, рванул ворот старенькой выгоревшей рубашки, закричал громко, так чтобы слышали насильно согнанные немцами бабы и мужики:

— Да здравствует советская власть! Да здравствует великий Сталин!

Еще что-то хотел сказать Немков — не успел. Поднял парабеллум продавшийся немцам Танков, выпустил подряд пять пуль. Ахнули бабы, заплакали испуганные ребятки. Качнулся Немков — устоял. Только алая дымящаяся на морозе горячая кровь хлынула из-под рубашки и полилась на снег, вызолоченный ранним закатом. Тогда выскочил вперед второй нуда — начальник Волотовской полиции Молотков, пальнул из своего пистолета. И не стало Немкова.

Когда дошла очередь до учительницы Тани Ефремовой, какая-то старушка перекрестилась и проговорила, всхлиывая:

— Господи, да неужели ее умертвят, малютка ведь.

Но на старушку зыкнул злобный рыжий немец, на котором признала бабка свой тулуп, и шибанул ее прикладом. Упавшая на снег старушка так и не увидела таниного личика перед смертью. Только врезался в уши до боли знакомый пронзительный голос учительши.

— Люди добрые, русские люди! Мы умираем за Родину! Ждите, скоро наши красивые воины придут!

И танины страстные предсмертные слова оборвали выстрелы. Уже мертвая, так и осталась она с поднятой рукой и открытыми устами.

Смотря на старших своих товарищей храбро, как и подобает

пионеру, встретил смерть 14-летний Миша Васильев. Милый отрок со светлой душой! Сидеть бы тебе в школе за партией или чертить коньками зеркальный лед, а ты вот лежишь тут с развороченной разрывными пулями головкой. И были тогда расстреляны 23 человека. Разузнав подробно о расправе над подпольщиками, одна из колхозниц, несмотря на лютый мороз и ветхые свои лаптишки, пробежала за ночь тридцать семь верст, разыскала в другой волости Павла Васькина и предупредила его, чтобы он пока не появлялся в Должино. Она же помогла, сохранив его от немцев, которые запрудили солдатами все деревни и окрестную местность.

Узнав о расстреле своих товарищей, крепко загрустил Павел Васькин, но не пал духом. Собрав в стальной комок всю волю, он снова начал действовать. Наметив четкий план будущей работы, Васькин направился спроводить партизан. Тем временем немецкие каратели предприняли большой поход против партизан, действующих на территории Волотовского и Дедовичского районов. Но враги просчитались. Пополнившись за счет массового прилива новых бойцов, народные мстители заманили немцев в лесную глухомань, окружили их и разбили наголову. Вот тогда-то и погиб смертью храбрых бывший ленинградский токарь Павел Васькин.

Кончилась война. Свободолюбивые народы распатали и с грохотом опрокинули чугунный столп третьей империи. Давно уже нет на земле Новгородской прожорливой немецкой саранчи. Пришел на широкую советскую улицу солнечный праздник. И там, где обильно пролилась кровь наших отцов, братьев, сестер и матерей, зреют богатые плоды радостного, коллективного, свободного труда.

Немцы изгнаны, но кое-где еще прячутся в темных норах их бывшие пособники, продажные гады, чадающие своим смрадным ядом и отравляющие светло-кристальный воздух нашей чудесной Родины. Мечутся они, тычутся туда-сюда, но некуда деться им и никакая личина не спрячет подлых выродков от карающей железной десницей органов Пролетарской Диктатуры.

Василий Егоров — бывший староста деревни Должино, Алексей Еремеев — бывший агент немецкой контрразведки, Дмитрий Молотков — бывший начальник Волотовской полиции и еще несколько человек, причастных к предательству антифашистской подпольной организации, пойманы и избиты.

Злонамеренные тяжкие преступники понесли заслуженную кару — все они осуждены и строго наказаны Советским Судом. Четверо из них приговорены к расстрелу, остальные к большим срокам каторжных работ.

Пусть знают все враги нашей великой Отчизны, что где бы ни прятались они, их всюду постигнет меч справедливого правосудия.

Алексей ЦВЕТКОВ.